

Т. Лениц*

ВОСПОМИНАНИЯ О 1812 ГОДЕ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

9 марта 1941 г., когда до вторжения в СССР оставалось чуть более трех месяцев, посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс писал в своем дневнике: «В данный момент, перед завтраком, я читаю биографию царя Александра I и рассказ о его столкновении с Наполеоном [...]. Поистине удивительное сходство между политикой Гитлера в отношении России и политикой Наполеона по отношению к Александру! Иногда и правда такое ощущение, будто история повторяется»¹. Как и другие наблюдатели, британский дипломат отмечал, во-первых, что в 1939 г., так же как и в 1807-м, союз, заключенный между двумя державами, был всего лишь передышкой для подготовки к войне, и во-вторых, что в 1941 г., как и в 1812-м, путь к господству над Европой пролегал через победоносную войну с Россией. На этом, естественно, сравнение, носившее главным образом стратегический и геополитический характер, заканчивалось. Криппсу — как и нам с вами — не пришло бы в голову попытаться установить хоть малейшее подобие между Наполеоном и Гитлером или между планами Первой империи и амбициями Третьего рейха².

В первый год войны на советско-германском фронте — период, которому посвящена данная статья, — сравнение между 1941 и 1812 годами в очерченных выше рамках проводилось достаточно часто. Кстати, не стал исключением и выпускавшийся окружением генерала де Голля журнал «Свободная Франция»: в номере от 15 мая 1942 г. была опубликована большая сравнительная статья за подписью польского генерала Кукеля³.

У противоборствовавших на Восточном фронте сторон 1812 год также вызывал многочисленные ассоциации. Немцы проводили параллели, объясняя, что Гитлер, в отличие от Наполеона, не потерпит поражения, по-

* Тьерри Лениц, директор Фонда Наполеона (Париж).

¹ Неопубликованный дневник, 9 марта 1941 г. Цит. по: *Gorodetsky G.* Le grand jeu de dupes. Staline et l'invasion allemande. Paris : Éd. Perrin, 2011. Collection Tempus (n° 387). P. 563.

² Об этом см.: *Englund S.* «Si l'habit ne sied pas...» La comparaison Napoléon-Hitler au rebut // *Revue des Deux Mondes.* 2005. Avril. P. 97–117; *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. III. La France et l'Europe de Napoléon. P., 2007. P. 672–674, а также: *Idem.* Napoleon and Hitler, the improbable comparison // *Napoleonica. La Revue.* 3–2011. № ° 12. P. 84–91 (на сайте www.cairn.info) ; *Kershaw J.* Hitler. 1936–1945 : Némésis. P., 2000. P. 9–10 и др.

³ *Napoléon et Hitler en Russie // La France libre.* 1942. 15 mai. Vol. 4. № ° 19. P. 38–44. Избегая каких-либо прямых аналогий, которые могли бы произвести нежелательный для такого журнала эффект, автор, тем не менее, делает вывод, что, подобно «императору французов», Гитлер также найдет в России могилу для своей армии.

скольку превосходит его как полководец, и к тому же технические характеристики современной войны принципиально иные. В СССР же обращение к памяти той войны было еще более активным, но в данном случае цель состояла в том, чтобы дать воинам и населению пример для подражания.

1. Немцы и 1812 год: тайный страх повторения истории

Столкновение между национал-социализмом и большевизмом, между германской и славянской расами, между Рейхом и Империей Советов было обещано Гитлером еще в «Майн кампф». Позднее, в 1935 г., он заявил об этом перед штабом Верховного главнокомандования. Окончательное же решение о подготовке вторжения было сообщено высшим генералам Вермахта, собравшимся в Бергхофе, 31 июля 1940 г. В декабре того же года были утверждены планы и назначена дата наступления: 15 мая 1941 г. Гитлер рассчитывал, что ему понадобится от четырех до шести недель для того, чтобы разбить Красную армию, и четыре месяца – для того, чтобы одержать полную победу⁴. Как известно, ему пришлось отсрочить начало этой операции, получившей название «Барбаросса», чтобы, во-первых, оказать помощь увязшим в Греции итальянским союзникам, а во-вторых – обезопасить свои тылы путем захвата Югославии.

В официальных и военных кругах парадоксальный советско-германский Пакт о ненападении с самого начала рассматривался как комедия, предназначенная для развязывания рук Вермахту на Западе. При этом нередко выдвигалось сравнение с Тильзитом: Гитлер получал отсрочку, чтобы избежать перспективы сражаться на два фронта и не повторять ошибок 1914 г. Тем не менее война считалась неизбежной – если Германия хотела завоевать необходимое ее народу «жизненное пространство», установить свое господство на континенте и вынудить Альбиона отказаться от борьбы⁵. Именно в таком умонастроении 25 марта 1941 г. генерал Хайнрици сделал следующую запись: «Кажется почти закономерным, что борьба с Англией ведет к походу на Москву. То же самое было и с Наполеоном»⁶.

⁴ Steinert M. Hitler. P., 1991. P. 447.

⁵ Летом 1940 года английские власти сравнивали операцию «Морской лев» с планами Булонского лагеря [планами Наполеона по завоеванию Англии – Ю.Т.]. В прессе появилось множество карикатур с изображением Гитлера, загримированного под Наполеона... При этом газетчики старались не обидеть сторонников «Свободной Франции», которые в тот момент занимались организацией в Лондоне своего штаба. Впрочем, беглый обзор баз данных, посвященных карикатурам того времени, позволяет утверждать, что в последующий период фигура Наполеона использовалась в подобных публикациях лишь sporadически.

⁶ Цит. по: Baechler Ch. Crimes et exterminations à l'Est. Hitler et la conquête de l'espace vital. 1933–1945. P., 2012. P. 449.

Вообще, Наполеон упоминается в высказываниях сановников и генералов Рейха довольно часто. Особенно активными ссылки на прошлое становятся в преддверии нападения на Россию, но отныне смысл их состоит в том, чтобы отмести всякие сравнения⁷. Тон задал сам Гитлер: «Цель операции состоит не в том, чтобы дать русским армиям отступить в глубь их огромной страны, а в том, чтобы русские армии были уничтожены». По его словам, моторизация позволяет сделать эту войну скоротечной — такой же, как и предшествующие молниеносные наступления⁸. Ему удалось заразить своим оптимизмом многих других, о чем свидетельствует Риббентроп: для него, да и не только для него, фюрер был «крупнейшим военным гением со времен Наполеона»⁹. В противовес мнению (не слишком, впрочем, авторитетному) министра иностранных дел, приведем также мнение маршала фон Манштейна, чьи глаза открылись, к сожалению, только после войны: «Гитлер хотел стать новым Наполеоном. К несчастью, у него не было ни военного образования, ни таланта Наполеона»¹⁰.

Как бы то ни было, в Берлине полагали, что в 1941 г. все будет иначе, чем в 1812-м. Йозеф Геббельс после приема у Гитлера 16 июня 1941 г. записал в своем «Дневнике»: «Фюрер подробно разъясняет мне ситуацию: нападение на Россию начнется, как только будет завершено наше развертывание. Это произойдет через неделю [...]. Это будет широкомасштабное массированное наступление — без сомнения, самое мощное, которое когда-либо знала история. Пример Наполеона не повторится»¹¹. С этой целью план, разработанный немецким генштабом, предусматривал окружение Красной армии в трех «котлах» — северном, центральном и южном — с их последующей ликвидацией, что должно было вынудить

⁷ Гитлер восхищался Наполеоном, чью могилу он почтил в ходе своего посещения Дома инвалидов в июне 1940 г. Геббельс в своем «Дневнике» нередко сравнивает Гитлера с императором Франции, но лишь для того, чтобы доказать его превосходство над последним. Ибо, в сущности, Гитлер хотел быть единственным и неповторимым, и к тому же именно немцем. Он отменял всякие аналогии с упадническими, по его мнению, идеями Просвещения и видел во французской нации главного врага немецкого народа. Этой теме он посвятил не одну страницу своей «Майн кампф»; причем если война 1806 года рассматривается им в качестве матрицы взаимного соперничества, то война 1870 года предстает как час первого реванша. А после нападения на Советский Союз он стал считать любое сравнение с «императором французам» и вовсе неуместным.

⁸ Цит. по: *Kershaw I. Op. cit.* P. 571. В начале операции «Барбаросса» немецкая армия могла выставить 3600 танков, 600 000 различных транспортных средств, 7000 артиллерийских орудий, 2500 самолетов и... 625 000 лошадей. Советская же сторона имела на бумаге 14 000 танков (из которых лишь 2000 были современными), 34 000 артиллерийских орудий и более 8000 самолетов. (*Ibid.* P. 579–580).

⁹ Из беседы с итальянским послом Дино Альфредо 19 мая 1940 г. Цит по: *Bloch M. Ribbentrop.* P., 2011. P. 467.

¹⁰ Цит. по: *Nagorsky A. La bataille de Moscou.* P., 2011. P. 400.

¹¹ *Goebbels J. Journal. 1939–1942.* P., 2009. P. 308.

советское руководство к капитуляции. В отличие от французов, немцы решили не концентрировать все свои усилия на московском направлении: генерал Йодль объяснял это «инстинктивным опасением [фюрера] повторить путь Наполеона»¹². Умело модифицировав план Шлиффена, чтобы наголову разбить Францию, Гитлер видоизменил и наполеоновский проект, поставив целью достижение окончательной победы¹³.

В ночь с 21 на 22 июня вермахт перешел в наступление, круша все на своем пути. По этому поводу Геббельс не преминул хвастливо заявить: «Противник нам в подметки не годится. Единственное, что создает нам проблемы, — это территория. Но наполеоновский вариант не может повториться. Да, действительно: по иронии судьбы, мы начали нашу битву против большевизма именно в тот день, когда Наполеон перешел русскую границу¹⁴ [...]. Но мы наступаем не одной лишь пехотой; у нас имеются также быстроходные танки, и нам будет несравненно проще преодолеть бескрайние просторы Востока»¹⁵. Однако в условиях реального похода, еще до наступления зимы, русские просторы уже заставили немецких офицеров вспомнить наполеоновскую эпопею, о чем подробно рассказывает лейтенант фон Кагенек: «Ах, Император! Он занимал умы образованных солдат Адольфа Гитлера. Он не выходил у них из головы. Они постоянно думали о нем, о его первоначальном успехе и печальном, ужасном конце. А что, если и нас ждет то же самое?» Но они успокаивали себя с помощью дежурных аргументов *Propagandastaffel* (Отдела пропаганды — Ю. Т.): «Это вам не 1812 год, это 1941-й. И даже если 18-й [полк] был еще пешим и конным, как бедолаги из Великой армии, то не надо забывать, что перед ним имело место развертывание сил, которые сметали все на своем пути, танковых войск, которые продвигались со скоростью молнии, подминая под себя все»¹⁶.

По прошествии зимы, однако, настроение солдат резко упало, а офицеры, по рассказам того же Кагенека, сели... перечитывать мемуары А. де Коленкура, вышедшие на немецком в 1938 г. Геббельс же, как можно догадаться, старался не поддаваться унынию; для оправдания неудачи под Москвой и стабилизации фронта он использовал те же аргументы, что и в июне, но на этот раз — с точностью до наоборот: «Мы, ко-

¹² Цит. по: *Kershaw I.* Op. cit. P. 607. О немецком плане в кратком изложении см.: *Keegan J.* La Deuxième guerre mondiale. P., 2009. P. 172 и далее.

¹³ Судя по всему, Гитлер не слишком жаждал углубить свои познания в истории наполеоновской кампании. В его библиотеках не удалось найти ни одного «наполеоновского» заглавия, чего не скажешь о Сталине. О круге чтения Гитлера см.: *Ryback T. W.* Dans la bibliothèque privée d'Hitler. P., 2009.

¹⁴ Хотя в целом идея верна, Геббельс все же ошибается на три дня.

¹⁵ *Kershaw I.* Op. cit. P. 328.

¹⁶ *Kageneck A. von.* La guerre à l'Est. Histoire d'un régiment allemand. 1941–1944. P., 2002. P. 36–37.

нечно, читали описания, относящиеся к эпохе Наполеона, но тогда технические условия войны не были так важны, как сегодня; а ведь именно техника особенно уязвима для русской зимы». Впрочем, и он признавал: «Небывалый характер проблем, связанных с русской зимой, застал нас полностью врасплох»¹⁷.

Поистине, Наполеон вернулся, и его кампания 1812 года по-прежнему занимала умы немцев. Генерал Хёпнер пишет своей супруге 12 декабря 1941 г.: «Наше положение отчаянно напоминает собой положение Наполеона в 1812 году». Его коллега Хайнрици вторит ему десять дней спустя: «Отступление в снегах и льдах происходит совершенно в наполеоновском духе»¹⁸. Об этом без обиняков говорит и сам Гитлер в директиве своим генералам от 21 декабря 1941 г.: «Пресловутое отступление Наполеона рискует стать реальностью. Поэтому не должно быть отхода, кроме как с целью подготовить позиции для наступления»¹⁹.

Символично, что солдатам 4-й немецкой армии вскоре пришлось уйти с бывшего поля Бородинской битвы, которое они заняли в октябре ценой тяжелых потерь. Отходя, они взорвали несколько памятников 1812 года, музей и дворец, построенный в 1839 году Николаем I (в котором, между прочим, размещался их госпиталь). Именно здесь произошло боевое крещение ЛФД («Легиона французских добровольцев против большевизма»); здесь же его бойцы познали первую горечь поражения (сражение при деревне Дюково). А так как немцам было свойственно, с позволения сказать, чувство истории (или иронии), то следующим местом дислокации ЛФД была выбрана деревня Студенка на берегу Березины!²⁰

По свидетельству людей из окружения Гитлера, после контрнаступления советских войск, отбросившего немцев от Москвы, с ним становилось все сложнее говорить о Наполеоне, тем более — сравнивать его

¹⁷ *Ibid.*, p. 520. В своей потрясающей «Московской саге», своего рода «Войне и мире» сталинской эпохи, российский писатель Василий Аксенов вкладывает в уста одного из своих героев — генерала Никиты Градова — такие слова: «Удивительно, как точно гитлеровский поход на Москву повторяет Наполеона, даже и начали почти в один день: 24 июня 1812 года и 22 июня 1941. Повторяются и ошибки, особенно по коммуникациям. Как можно было начинать такую механизированную войну, не продумав проблему железных дорог, не подготовившись к переходу с европейской узкой колеи на русскую широкую? Значит, и там есть бездарности, свои Ворошиловы и Буденные, Вильгельм Кейтель, значит, не семи пядей во лбу». Аксенов В. П. *Московская сага* : трилогия. М. : Текст, 1993—1994. Кн. 2 : Война и тюрьма. 1993. С. 99.

¹⁸ Цит. по: *Baecheleer Ch.* Op. cit. P. 2012. P. 213.

¹⁹ Цит. по: *Kershaw I.* Op. cit. P. 665.

²⁰ На флаге ЛФД значились две «битвы», в которых он принял участие: «Дюково 1941—1942; Березина 1942—1943». В районе Студенки французские добровольцы продемонстрировали такую дикость в отношении гражданского населения, что один из их командиров (французский офицер) был предан немцами военно-полевому суду!

с ним. То, что еще несколько месяцев назад воспринималось как лесть, сегодня становилось оскорблением. Как отмечает Джон Киган, в начале января 1942 года «призрак Наполеона стал все чаще являться повелителю войны»²¹. В заключение этих, далеко не полных размышлений о референциях к 1812 году в лагере немцев дадим слово историку Иану Кершо: «В свете последующих событий размах того, что предлагал Гитлер, кажется чистым безумием. Это уже пытался сделать Наполеон — и кампания 1812 года обернулась бесславным концом Великой армии и имперских замыслов Императора. В случае же с Гитлером подобная заявка имела еще более катастрофические последствия. Его решение очень напоминало желание смерти для себя и своей нации»²².

Совсем иначе дело обстояло в стране Советов: там призыв к повторению 1812 года, напротив, знаменовал собой начало национального единения, помогая преодолеть идеологические разногласия и на этой новой основе — то есть, не полагаясь на один лишь героизм и самопожертвование граждан или суровые дисциплинарные меры, принимаемые для исправления положения, — добиться перелома крайне неблагоприятно складывавшейся ситуации.

2. Сталин и советские граждане: спасти Святую Русь

Сталина многократно предупреждали о неминуемости нападения Германии, но он не прислушивался к этим предостережениям. Начало операции «Барбаросса» застало его врасплох. Он переложил на Молотова обязанность выступить перед населением и объявить о начале войны. В полдень 22 июня 1941 г. нарком иностранных дел обратился с речью к советскому народу. В ней он кратко упомянул о французском вторжении 1812 года, заявив, что не сомневается: как русский народ во время Наполеоновских войн, советские люди поднимутся на борьбу с «завнавшимся Гитлером». Но в целом его выступление носило скорее информативный характер и сохраняло привычную советскую риторику, делая упор на то, что, в отличие от своих «кроважидных» правителей, «германские рабочие, крестьяне и интеллигенция» вовсе не являются агрессорами.

В подавленном настроении (если только решение отойти в сторону не было некоей хитростью, — тут мнения расходятся), Сталин исчез на несколько дней, узнав о падении Минска 28 июня. Члены Политбюро поехали к нему на Кунцевскую дачу, и 1 июля он вернулся в Кремль. С этого момента Сталин взял руководство военными операциями в свои руки, став во главе Государственного комитета обороны, куда входил

²¹ *Keegan J.* Op. cit. P. 267.

²² *Kershaw I.* *Choix fatidiques. Dix décisions qui ont changé le monde. 1940–1941.* P., 2009. P. 96.

ли также Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков²³. Несмотря на всю энергию главы ГКО военная ситуация оставалась катастрофической. В ряду усилий по ее выправлению важное место занимала пропагандистская кампания. Одним из ее основных направлений было обращение к памяти 1812 года.

В апреле 1941 г., касаясь перспективы вторжения в Советский Союз, Геббельс писал: «С психологической точки зрения, все это дело вызывает некоторые трудности. Параллели с Наполеоном и т.д. Но мы легко с ними справимся благодаря антибольшевизму»²⁴. Сталин, находившийся, естественно, в совершенно иной системе координат, нежели его противник, также понял, что настал момент вынести большевистскую революцию за скобки и воззвать к исторической памяти народа. При всем внимании к другим темам и методам пропагандистской деятельности, он решил сделать акцент на историческом и символическом воскрешении того, что произошло в 1812 году.

Поворотным моментом стало 3 июля 1941 г. В своем выступлении по радио Сталин, обращаясь, разумеется, к своим «товарищам», использовал также выражение «братья и сестры». Он открыто обратился к памяти об Отечественной войне 1812 года: «История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. [...] гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма»²⁵. Еще более определенно он высказался 7 ноября, на Красной площади, в годовщину Октябрьской революции, выступая перед собравшимися войсками: «[...] Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»²⁶. Правда, концовка его речи была не столь неожиданной:

²³ Об этом драматическом моменте, всегда упоминаемом в трудах о Второй мировой войне, см. обобщающую работу И. Кершо: *Kershaw I. Choix fatidiques*. P. 355–42, а также захватывающую хронику сталинского правления: *Sebag Montefiore S. Staline. La cour du tsar rouge*. II. 1941–1953. P., 2010. P. 19–50. В ходе войны состав Государственного комитета обороны менялся: в него вошли Каганович, Микоян и Вознесенский (1942); Ворошилов был заменен на Булганина (1944).

²⁴ *Goebbels J. Op. cit.* P. 268.

²⁵ *Сталин И.В.* Выступление по радио 3 июля 1941 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М., 1997. С.56.

²⁶ Александр Невский разбил тевтонских рыцарей (1242), Дмитрий Донской — татар (1380), Минин и Пожарский — поляков (XVII век).

«Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! [...] Под знаменем Ленина — вперед, к победе!»²⁷

В начале июля ГКО объявил о начале *Великой* Отечественной войны — словосочетание, показывавшее, с одной стороны, преемственность борьбы за спасение России («отечественная война», как в 1812 году), а с другой — ее исключительность («великая»). От исхода конфликта зависело не сохранение большевистского строя, но просто-напросто выживание страны и ее народа, что как нельзя более наглядно подтверждалось бесчинствами захватчиков. Сталин и дальше будет напоминать: «Нашествие немцев на нашу страну часто сравнивают с нашествием Наполеона на Россию. Но это сравнение не выдерживает критики. Из 600 тысяч войск, отправившихся в поход на Россию, Наполеон довел до Бородине едва 130—140 тысяч войск. Это все, чем он мог располагать под Москвой. Ну, а мы имеем теперь более трех миллионов войск, стоящих перед фронтом Красной армии и вооруженных всеми средствами современной войны. Какое же может быть тут сравнение?»²⁸

Нам сдается, что это был не первый случай, когда Сталин ставил историю на службу своим целям²⁹. По его указанию историю начали переписывать еще с начала 1930-х годов. Им самим был подготовлен, отредактирован и даже частично надиктован знаменитый «Краткий курс истории ВКП(б)», ставший затем исторической «библией» каждого гражданина СССР. Но вождь интересовался и другими периодами: Иваном Грозным, Александром Невским, наполеоновской эпопеей.

Его любимым автором-«наполеонистом» был Евгений Тарле (1874—1955), несмотря на то, что он велел исключить его в 1931 г. из академиков за кадетское прошлое и весьма сдержанное отношение к большевистскому режиму³⁰. Год спустя, однако, историк был реабилитирован, вызван из алма-атинской ссылки и введен в состав Государственного учебного совета. Сталин заказал ему биографию Наполеона, которая вышла в свет в 1936 году. В ней автор не скрывает своего восхищения «императором французов». Представляя его агентом и защитником буржуазии, он вместе с тем рассматривает своего героя как наследника эпохи Про-

²⁷ *Сталин И.В.* Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Там же. С.84—86.

²⁸ *Сталин И.В.* Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1942 года // Там же. С.121—122.

²⁹ Впрочем, в этом Сталин мало чем отличался от своих предшественников. Еще в 1839 г. А. де Кюстин отмечал: «История составляет в России часть казенного имущества». (*Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Т. 2. М., 1996. С. 345).

³⁰ Как отмечает в своем исследовании Флоранс Готье, ссылка Тарле привела к разрыву Альбера Матьеа с Коммунистической партией (но не с марксизмом). Об этом см.: *Gauthier F.* Albert Mathiez, historien de la Révolution française // AHRF. 2008. N 353. P. 95—112.

свещения и Французской революции, а также признает за ним исключительные (но не «сверхъестественные») способности и удивительную работоспособность³¹.

Сталин заявил о своей высокой оценке созданного Тарле портрета. По его утверждению, это была лучшая «немарксистская» биография императора. Из уст кремлевской лисы подобный комплимент звучал как угроза. И действительно, в период громких процессов 1937 года был опубликован ряд статей, в которых Тарле обвинялся в поддержке своими работами тех, кто, считая себя Наполеоном (читай: опальных маршалов и генералов³²), на деле был «бандитом», «фашистским гадом» и «троцкистско-бухаринским агентом». Материалы, содержавшие нападки, были подписаны «т. Константинов и Кутузов» — псевдонимом, за которым скрывался лично генсек³³.

Последствия этой кампании не стали для Тарле слишком серьезными — всего лишь пугающее подозрение и временное отстранение от дел. На самом деле, Сталин не включал его в списки «врагов народа», подлежащих устранению, поскольку он был неопасен. Просто он использовал его для того, чтобы получить исторический аргумент, оправдывавший чистку офицерского состава. Как только обвинения были вынесены, а «виновные» расстреляны или сосланы в Гулаг, давление на специалиста по Наполеону ослабло. Ему даже поручили написать книгу «Нашествие Наполеона на Россию», которая вышла в 1938 г. Усвоив уроки предшествующих злоключений, историк не слишком настаивал на том, что русский народ и армия сражались тогда за царя, отдавая предпочтение версии о защите Отечества. Для него 1812 год был в каком-то смысле настоящим актом рождения нации; при этом о царе почти не упоминалось. Победа представлялась им делом рук вооруженного народа, а не заслугой дворянского командования.

Сами того не подозревая, эти двое — невероятный тандем Сталин-Тарле — подготовили идеологическую почву для обращения в 1941 г. к образам 1812 года. Опираясь на работы своего историка, ставшего козлом отпущения, используя собственную культуру (а она была солидной) и полагаясь на свое политическое чутье (тоже немалое), Сталин задействовал в тот момент все ресурсы, которые давало обращение к памяти 1812 года.

Он сделал это в трех основных направлениях: использование «величия» Наполеона для преуменьшения фигуры Гитлера; развитие идеи оте-

³¹ «Наполеон» Тарле, увидевший свет в 1936 г., уже в следующем году был переведен на французский язык. Перевод вышел в издательстве Раут.

³² В рамках сталинской риторики термин «бонапартист» употреблялся для обозначения любого военного, подозреваемого в подготовке государственного переворота.

³³ *Marie J.-J. Staline*. P. 511–512.

чественной войны с целью объединения народа; облечение всего этого в культ истинно русского «великого человека», скромного, но, в конечном счете, оказавшегося победителем: Кутузова.

1) Обращаясь к воспоминаниям о 1812 годе, Сталин проявлял осторожность, стараясь не ставить Гитлера на одну доску с Наполеоном, но в то же время с издевкой называл последнего «непобедимым». Накануне выступления на Красной площади он уточнил свою историческую мысль на эту тему в докладе, представленном на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся: «Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует, как Наполеон, и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами. Только гитлеровские дурачки из Берлина не могут понять, что поработанные народы Европы будут бороться и будут восставать против гитлеровской тирании. Кто может сомневаться в том, что СССР, Великобритания и США окажут полную поддержку народам Европы в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании?»³⁴. Несколько позже, делая вид, что отвечает на вопрос, заданный ему корреспондентом газеты «Правда», он был достаточно мягок в своей критике Наполеона, зато нещадно бичевал «истерика» Гитлера³⁵.

2) Идея Великой Отечественной войны позволяла легитимировать призыв к священному единению, играя одновременно на национальных чувствах русских (при затушевывании большевистской риторики) и на образе вождя — борьбу возглавлял не генеральный секретарь Коммунистической партии, а предводитель русского народа в его борьбе за выживание³⁶.

Таким способом Сталин радикально менял — на период войны³⁷ — природу своего популизма. Если до 1941 г. он опирался на марксистско-ленинские ценности с целью восстановить различные классы и слои

³⁴ Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года // Сочинения. Т.15. С. 79.

³⁵ Сталин И.В. Ответ корреспонденту «Правды» // Там же. С. 189.

³⁶ Стремясь покончить с культом личности Сталина, Хрушев скажет на XX съезде КПСС (1956): «Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным Силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией».

³⁷ Оставив в покое (относительном) военных, Сталин вновь взял в свои руки руководство всеми операциями и возродил в массовом порядке деятельность военных комиссаров и политруков. Были случаи чисток офицерского состава прямо в разгар боев.

общества друг против друга и оправдать террор³⁸, то после вражеского вторжения он решил реабилитировать единство «русского народа». Это единство вновь быстро пустило корни, чему немало способствовали бесчинства, творимые немцами. Идя навстречу «глубинным чаяниям огромного большинства советских граждан, которым угрожало истребление нацистскими варварами»³⁹, «красный царь», который уже в предвоенный период считался основателем государства, «наследником Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Великого», превратился если не в «доброе царя», то, по крайней мере, в защитника старой *Святой Руси*⁴⁰.

Характерно, что в тот момент имело место сближение государства с Православной церковью, еще недавно отстранявшейся от участия в общественной жизни и даже гонимой. В первый же день войны митрополит Сергей в осторожных выражениях, по существу, призвал верующих взяться за оружие. Начиная с сентября 1941 г. Сталин запретил всякую антирелигиозную пропаганду и закрыл почти все антирелигиозные периодические издания. Дальше – больше: он пошел на относительную нормализацию отношений с Церковью и даже дал разрешение на избрание нового Патриарха (последний умер в 1926 г.), с которым официально встретился в Кремле в сентябре 1943 г. С июня 1941 г. эта война становится «священной», как пелось в знаменитой песне, долгое время служившей своеобразным гимном воюющей страны («Священная война»⁴¹).

Нельзя не отметить, что патриотизм, к которому призывал Сталин, сопровождался беспощадным террором против капитулянтов, реаль-

³⁸ Здесь можно лишь отослать читателя к «Черной книге коммунизма» под редакцией нашего друга Стефана Куртуа. (*Courtois S. (dir.), N. Werth N., Panne, A. Paczkowski, K. Bartosek, J.-L. Margolin avec la collaboration de R. Kauffer J.-L., Rigoulot P., Fontaine P., Santamaria Y., Boulouque S. Le Livre Noir Du Communisme: Crimes, Terreur et Repression. P., 1997; рус. пер.: Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковски А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л., при участии Коффер Р., Ригуло П., Фонтен П., Сантамария И., Булук С. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 2001. 2-е издание, исправленное – Прим. пер.*)

³⁹ См.: *Werth N. L'appel au petit peuple selon Staline // Vingtième Siècle. 1997. Octobre-novembre. № 56. P. 140.*

⁴⁰ См. строки, посвященные этой теме, в фундаментальном труде: *Werth A. La Russie en guerre. I. La patrie en danger, 1941–1942. P., 2010. P. 331.*

⁴¹ Этот марш на слова Василия Лебедева-Кумача был сочинен Александром Александровым, основателем Ансамбля красноармейской песни и пляски, всего за три дня. Он был представлен Сталину 24 июня 1941 г. Припев говорит сам за себя: «Пусть ярость благородная/ Вскипает, как волна!/ Идет война народная,/ Священная война». С начала октября песню систематически передавали по государственному радио. В октябре 1942 г. Александров получил заказ на новый государственный гимн, который заменил бы собой «Интернационал». Слова к нему написал Сергей Михалков. Не обошлось, впрочем, и без участия самого «отца народов». Гимн был принят 1 января 1944 г. и оставался гимном СССР до 1991 г. На его музыку в начале 2000-х гг. был написан новый российский гимн.

ных и мнимых⁴². И все же можно сказать, что возрождение русской истории и традиции привело к сплочению советского народа, у которого до тех пор не было ни общих корней, ни безусловных ценностей. Такой объединяющей идеей надолго стала защита «Родины-матери» — как в 1812 году. Рождение новой коллективной идентичности, которой суждено было просуществовать не одно десятилетие, состоялось именно в период с 1941 по 1945 год. И здесь Кутузов пришелся очень кстати.

3) Сталин, несмотря на бомбежки, оставался в Москве, в то время как остальное правительство было эвакуировано. Тогда же, зимой 1941 года, он провел несколько дней за чтением и конспектированием биографии человека, которого после лета 1941 г. называл не иначе как «наш гениальный полководец Кутузов»⁴³. Доброе имя старого фельдмаршала, чью победу над Наполеоном иногда приписывали экономическим факторам, что привело к затягиванию войны 1812 года на целых полтора года⁴⁴, было, таким образом, восстановлено, а в сталинской пропаганде произошел решительный поворот.

Еще в начале 1930-х гг. правительство заказало Михаилу Булгакову (1891–1940) театральную инсценировку романа «Война и мир». Автор потратил на написание пьесы шесть лет, но при этом ограничился изображением одной лишь Бородинской битвы и ее последствий. Он нарочно представил Кутузова «добродушным и сумасбродным стариком», что соответствовало тогдашней официальной версии, согласно которой дворянские военачальники не могли бы ничего сделать без воли и патриотизма простого народа⁴⁵. До войны пьеса так и не была поставлена, а в дальнейшем никому и в голову не приходило это сделать. Сталин бы этого просто не потерпел. Ведь в лице Кутузова он нашел удачный пример — образец настоящего русского человека, служащего своей Родине и ведущего ее к победе. Образ Кутузова, который следовало создать, должен был соответствовать облику самого Сталина: скромность, проницательность, хитрость.

Кроме Кутузова, Суворова и Багратиона, ни один другой генерал периода Французской революции и Первой империи не был упомянут советской пропагандой. Встретив имя Барклая-де-Толли (сегодня пол-

⁴² В июле 1941 г. директивой НКВД было разрешено расстреливать семьи солдат, сдавшихся в плен.

⁴³ Nagorsky A. La bataille de Moscou. P., 2001. P. 246. Сталин подчеркнул карандашом фразу: «До последней минуты никто не знал, что он собирается делать».

⁴⁴ Об эволюции образа Кутузова в дореволюционной историографии см. обобщающую работу: Nabokov S., Lastours S. de. Koutousov, le vainqueur de Napoléon. P., 1990. P. 301–309.

⁴⁵ См.: *Autant-Mathieu M.-Ch.* Le théâtre de Boulgakov. P., 2000. P. 131.

ностью реабилитированного⁴⁶), Сталин взял свое самое красивое перо и преподал очередной урок истории: «Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклай-де-Толли»⁴⁷. Других объяснений не последовало — ни по поводу *конечно*, ни относительно того, что это были за *две головы*. Но Барклай был родом из Прибалтики; он был «космополитом», что явно дискредитировало его в сравнении с «истинно русским» Кутузовым.

Образ Кутузова, ставшего фаворитом высочайшего выбора, преподносился, с позволения сказать, под самыми разными соусами. Вот лишь некоторые примеры того, как это происходило:

— Семья потомков фельдмаршала, изгнанная из Ленинграда в 1935 г., как и другие бывшие дворянские семьи, получила разрешение вернуться. Она прибыла как раз вовремя, чтобы пережить страшную блокаду⁴⁸. Возможно, и ее члены получили один из многих тысяч экземпляров «Войны и мира», которые Сталин велел раздать населению для поддержания его морального духа.

— Кутузов появился в зале заседаний генштаба, устроенном в бункере Сталина в Измайлово, километрах в пятнадцати от Кремля, куда тот иногда удалялся, чтобы укрыться от бомбежек⁴⁹. Там был установлен бюст полководца, занявший место рядом с бюстами Суворова⁵⁰ и самого председателя Комитета обороны.

— Кино, которое очень любил Сталин, внимательно следивший за выпускавшейся кинопродукцией⁵¹, также должно было внести свою лепту в увековечение памяти великого полководца. Режиссеру Владимиру Петрову было поручено снять фильм о Кутузове. Фильм длительностью

⁴⁶ См., например, работу Мари-Пьер Рей: *Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie*. P., 2012.

⁴⁷ *Сталин И.В.* Ответ товарищу Разину. 23 февраля 1946 г. // Сочинения. Т.16. С.22.

⁴⁸ *Tchouikina S.* Le 'grand compromis' et la mémoire familiale : les ex-nobles russes à l'époque stalinienne // *Revue des études comparatives est-ouest*. 2006. № 37. P. 173 [165–198].

⁴⁹ Этот бункер был построен в 1935 г., одновременно с первыми станциями московского метрополитена. Он был частью подземного городка, который мог вместить 2000 человек. Находился под бывшим стадионом «Локомотив». Сегодня в нем организован музей.

⁵⁰ В конце войны в советской пропаганде отмечается рост интереса к личности Суворова. Учащаются ссылки на его Польский поход, причем как раз в тот момент, когда армии Сталина подошли к границам Польши, дальнейшая судьба которой хорошо известна.

⁵¹ См.: *Fegelson K. (dir.)*. *Caméra, politique, cinéma et stalinisme*. P., 2005. В 1938 г. Сталин восхищался «Александром Невским» Эйзенштейна... но велел приостановить его показ на весь период действия советско-германского пакта. В дальнейшем он заказал тому же Эйзенштейну «Ивана Грозного», съемки которого начались еще до немецкого вторжения.

102 минуты был снят на государственной студии «Мосфильм» в 1943 г. Видимо, работа понравилась «красному царю», поскольку Петров, а также исполнитель главной роли актер Алексей Дикий и оператор Михаил Гиндин получили в 1946 году Сталинскую премию⁵².

— Не забыли и о музыке. В августе 1941 г. Сергей Прокофьев с энтузиазмом возобновил работу над оперой по мотивам «Войны и мира», которую он начал (но подзабросил) годом раньше. Проект был представлен на рассмотрение Комитета по делам искусств в 1943 г. — год, когда Прокофьев стал лауреатом Сталинской премии. Это не помешало Комитету предложить ему слегка переделать сочинение, чтобы превратить его в настоящую «патриотическую оперу». Видимо, доработка удовлетворила цензоров — да и самого Сталина, — поскольку 7 июня 1945 г., правда, уже после Дня Победы, состоялось представление первых девяти картин оперы⁵³.

— Следующий пример может быть неприятен наполеонистам: речь идет о многочисленных плакатах с изображением Наполеона и Гитлера, с одной стороны, и русского народа, единого на протяжении ста сорока лет своей истории, — с другой. На одном из таких плакатов красовался переодетый в Наполеона обезьяноподобный Гитлер, а подпись гласила: «Н-да, Адольф, что-то у тебя тут не получается...»

Символически Кутузов вернулся и в армию:

20 мая 1942 г. Сталин учреждает Орден Отечественной войны. 29 июля он был дополнен тремя другими сугубо воинскими орденами: в честь Александра Невского, Суворова и Кутузова. Последняя награда предназначалась армейской элите и имела две степени: первая — для командующих армиями, вторая — для комдивов и комбригов. Третья степень была введена 8 февраля 1943 года для командиров воздушных соединений. В общей сложности орденом были награждены 7100 человек и 1579 соединений.

— Славное военное прошлое присутствовало и в названиях некоторых наступательных и контр наступательных операций Красной армии. Так, в мае 1943 г. наступательная операция на Орловско-Курской дуге получила название «операция Кутузов». А чтобы никому мало не показалось, через некоторое время другому наступлению было присвоено имя

⁵² Сталинская премия была основана в 1939 г. и являлась советским «аналогом» Нобелевской премии. Присуждалась за особые заслуги в области науки, литературы, медицины, искусства и музыки. После войны была создана еще и «Сталинская премия мира». До войны В. Петров (1896–1966) снял картину «Петр Первый». В 1949 году он поставил фильм «Сталинград», который длился 3 часа 10 минут. Одну из главных ролей в нем сыграл А. Дикий (1885–1955).

⁵³ Первое полное представление оперы состоялось в Большом театре лишь 15 декабря 1959 г. в постановке А. Мелик-Пашаева. Прокофьев же умер 5 марта 1953 года... в один день со Сталиным.

Румянцева — в честь генерала-фельдмаршала Екатерины II⁵⁴. 22 июня 1944 г. Сталин начал крупномасштабную наступательную операцию против группы армий «Центр» с участием 2,5 миллиона чел., 5000 танков и 5300 самолетов, известную как «операция Багратион».

— После войны мода продолжилась, и в 1951 г. началось строительство крейсера «Михаил Кутузов», спущенного на воду в 1952 г. Характерно, что среди кораблей того же типа фигурировали также «Александр Невский» и «Александр Суворов».

Конечно, вряд ли можно говорить о том, что память о 1812 году сыграла решающую роль в процессе и в исходе войны, начатой Гитлером в 1941 году. И нацистская, и сталинская пропаганда были всего лишь элементами сложного целого. Следует, однако, отметить, что если фашисты с помощью исторических сравнений и убежденности в собственном превосходстве стремились вытравить 1812 год из своих представлений, то советское руководство, напротив, ставило его в центр своих пропагандистских усилий. Так что память о первой Отечественной войне и Кутузове стала немаловажным фактором формирования общенационального единства⁵⁵.

⁵⁴ Петр Александрович Румянцев (1725–1796) — герой Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

⁵⁵ После 1953 года десталинизация коснулась и памяти о войне 1812 года — в частности, в плане освещения военной истории. Например, первая Отечественная война почти исчезла из учебников; все внимание отныне стало уделяться Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Показательным в этом отношении можно считать капитальный военно-стратегический труд маршала Соколовского, опубликованный в 1962 году (первый подобного рода после 1926 года). Важное место в нем отводится историческому подходу к вопросам стратегии. Удивительным образом, мы не находим там пространного изложения истории войны 1812 года — при том, что автор за просто пишет о более отдаленном прошлом. Он несколько раз упоминает Наполеона, но ни разу — Кутузова. Как отмечает историк Жан-Кристоф Ромер, «как и в других советских публикациях, в [этом] учебнике вопросы истории и их интерпретация рассматриваются как вопросы, касающиеся прежде всего современности. А посему ни одну отсылку к какому-либо факту прошлого нельзя считать здесь случайной» (*Romer J.-Ch. La guerre nucléaire de Staline à Krouchtchev. Publications de la Sorbonne, 1991. P. 255*).

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>